

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ТРУДНО УКРАСТЬ
БОГА**

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Трудно украсть бога
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745595

*Леонов Н. И. Макеев А. Трудно украсть бога: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57388-2*

Аннотация

К полковнику полиции Льву Гурову обратился за помощью дальний родственник жены Федор. У него недавно умер дед, Макар Круглов, и когда Федор приехал оформлять наследство, то не обнаружил ценной иконы, хранившейся в квартире бабушки. Гуров согласился помочь и выехал в городок Петровск. Из бумаг, хранившихся у Круглова, полковник выяснил, что совсем недавно проводилась экспертиза этой иконы. Гуров поражен – видимо, это подлинник... Казанской иконы Божией Матери! Из других бумаг сыщик узнал, что всюду, где бы ни появлялась икона, за ней тянулся кровавый след. Гуров начинает подозревать, что смерть Макара Круглова – продолжение этого следа. И что-то подсказывает опытному сыщику, что кровь из-за этой иконы еще прольется...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	42
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Леонов, Алексей Макеев Трудно украсть бога

Глава 1 Реликвия *Наши дни, столица*

Гость зашел несмело, даже осторожно. Сразу было видно: он впервые обращается по своему личному делу к дальнему родственнику, занимающему столь солидную должность. Да еще он, несомненно, и наслышан о том, к какому известному человеку пришел в кабинет.

– Добрый день. Присаживайтесь, пожалуйста, – начал диалог хозяин кабинета, чтобы облегчить задачу гостя. – Вы... кстати, как предпочитаете, чтобы вас называли? По имени-отчеству или просто?

– Зовите меня Федором, – облегченно улыбнулся гость и опустился в предложенное кресло.

У него была хорошая улыбка – открытая и светлая, – такая вообще довольно редко встречается у людей старше 20 лет. Полковник Лев Иванович Гуров скупно улыбнулся в от-

вет и чуть склонил голову. Этот Федор приходился дальним родственником его жене Марии (кажется, двоюродный племянник) и только поэтому тут сейчас и оказался. Просьба о помощи была личной и, как назло, совпала с началом отпуска. Придумать вразумительный отказ было сложно, Гуров не преминул назначить встречу в собственном кабинете. Здесь даже стены внушали гостю уважение и трепет. Но, как выяснилось, племянник оказался вовсе и не таким наглым, как ожидал хозяин кабинета.

– Я так понимаю, у вас случилось что-то экстраординарное, раз вы захотели пообщаться со мной?

– Так и есть, – кивнул Федор, и его улыбка погасла. – Честно говоря, я не уверен, как оценивать случившееся...

– Давайте я вам немного помогу. Здесь люди часто не могут подобрать нужных слов в начале беседы. Вы тут не исключение. Так что же произошло: мошенничество, измена или, может быть, убийство?

– О нет! – Федор нервно рассмеялся. – Если ставить вопрос так, как вы, то, наверное, это хищение в особо крупных размерах. Или кража произведений искусства как-то по-другому классифицируется?

– Так вы – богатый коллекционер? – не стал скрывать удивления Гуров. Уж больно не похож был на толстосума его неожиданный родственник: обычный мужчина, не юный, но все еще моложавый, хорошо одетый, но просто и без претензий.

– Нет. – Федор покачал головой, несколько удивленный предположением Гурова. – Я только что получил наследство от деда, и, судя по всему, в нем не хватает одной очень ценной вещи. Именно она меня и интересует...

– Что же это? Драгоценности, антиквариат?

– Это икона. Совершенно точно, что старинная, а возможно, и уникальная. Тут я не уверен...

Гуров прищурился, вглядываясь в собеседника, – не пытается ли он вешать ему лапшу на уши?

– Как это – не уверены? Это же ваше наследство?

– Дело в том, что я лично никогда эту икону не видел, а до конца поверить в то, что мне рассказали, для меня, человека рационального, довольно сложно.

– Во что? – начал терять терпение хозяин кабинета.

– Вы что-нибудь слышали о чудотворной иконе Казанской Божией Матери? – ответил вопросом на вопрос Федор.

– Я не силен в религиозных святынях, – неохотно признал Гуров. – Что это за икона?

– Я тоже не силен, – вздохнул его собеседник. – Все, что я узнал об этой иконе, стало мне известно буквально несколько дней назад. И, вынужден признать, не малую помощь тут мне оказал Интернет... Так вот, икона эта чудесным образом появилась еще в XVI веке, в царствование Ивана Грозного. К началу двадцатого она была самой почитаемой святыней в царской России. И именно тогда ее похитили. Грабителей монастыря поймали и судили, но икону так и не нашли. Офи-

циальная версия такова, что икона была уничтожена, но даже тогда в это верили далеко не все... Мой дед, наследство которого я только что получил, верил, что он владеет именно этой иконой. «Той самой», а не копией – списком. И именно ее я и не нашел в его квартире. Слишком странное совпадение, чтобы его проигнорировать...

– Поймите. – Гуров даже поднял руку, чтобы остановить поток информации, который обрушил на него Федор. – А почему вы, собственно, верите в то, что ваш дед, извините, не чудил на старости лет? Ведь мог же он все это выдумать. Да и икону просто спрятать куда-нибудь и забыть... Вы тесно с ним общались в последние годы?

– Нет, но дело не в этом, – решительно замотал головой Федор. – Дед не выжил из ума. Даже если бы и так – икона действительно была, она была старинная и ценная, и она пропала! Вам этого мало?

– Не кипятитесь, – примирительно поднял руки Гуров. – Я понимаю ваши чувства, но и вы должны меня понять – я не могу доверять всему, что мне говорят, и обязан относиться к этому критически. Конечно, сам факт пропажи ценного антикварного предмета – уже повод для расследования. Почему неофициального?

– Неужели не понимаете? У меня нет никаких доказательств того, что эту вещь дед не отдал сам кому-нибудь. А в провинции какой-то иконой никто и заниматься не станет. Для них все это дела десятой важности...

– Но вы же сказали, что никогда не видели этой иконы? Откуда же вы знаете, что она пропала? Кто вам рассказал?

– Наверное, мне проще всего будет начать с самого начала, – вздохнул Федор. – Это довольно долгая история, но я могу постараться изложить ее кратко...

– А вот этого не нужно, – прервал его полковник Гуров. – Бес сидит в деталях, так что лучше рассказывайте так, чтобы не упустить чего-нибудь важного. Подробно и не спеша. В конце концов, именно для этого вы сюда и пришли!

– Что ж, вы правы, мне нужна помощь в этом деле. Надеюсь, что это будет несложно, но сам я не осилю...

И Федор начал свой рассказ. Говорил он четко и внятно – чувствовалось, что человек этот хорошо образован и не лезет за словом в карман.

Оказалось, что дед Федора умер совсем недавно в больнице, и тело его было переправлено в морг. Как единственный родственник Макара Ивановича Круглова, внук вынужден был взять внеочередной отпуск на работе и поспешить в провинцию, где и жил дед.

– Где конкретно? – прервал рассказ Федора полковник.

– Это в небольшом городке Петровске, – тут же уточнил тот. – Я там ни разу до этого не был. Пришлось искать его квартиру по адресу на бумажке.

– Интересно, а почему же вы никогда не были в гостях у своего единственного деда? – полюбопытствовал Гуров. – Отношения не заладились?

– Да нет. Точнее, не совсем... – замылся Федор. – У меня о деде Макаре воспоминания сохранились только с детства, пока он не развелся с моей бабушкой и не уехал в Петровск. С тех пор мы только иногда переписывались и перезванивались. Ехать как-то все не досуг было... То учеба, то работа... А к нам он не приезжал поначалу из-за бабушки – они плохо расстались, а потом уже возраст был неподходящий. К тому же он женился вторично и сменил веру. Мои родители это не одобрили.

– Сменил веру? – нахмурился Гуров. – В мусульмане подался, что ли?

– Нет-нет, – снова заулыбался Федор. – Его новая жена была из староверов и ни за что не соглашалась выходить за него, пока он не переменит веру на их, старообрядческую.

– Понятно. Извините за вопросы, но я уточняю то, что непонятно по ходу дела, чтобы потом не забыть какую-нибудь деталь. Продолжайте.

– Хорошо. В общем, я нашел дом, в котором жил дед...

...Дом этот оказался пятиэтажкой, построенной еще в далекие 70-е. Ключей от квартиры деда у Федора не было, и ему пришлось искать общественно активную соседку, которая и сообщила ему о смерти деда. Ключи были у нее.

Женщина жила в этом же подъезде и все обо всех знала. Она тут же позвала Федора к себе и, прежде чем просто отдать ему ключ, сообщила все подробности последних дней

деда Макара, которые знала. Стоило Федору задать простой вопрос:

– Валентина Михайловна, а все же, что произошло?

– Ах, ты же ничего не знаешь! – сокрушенно всплеснула пухлыми руками соседка. Ее явно обрадовала возможность рассказать подробности новому человеку. – У деда твоего сердце слабое было, вот и прихватило его ночью. Он первым делом мне позвонил – боялся, что «Скорая» не успеет, а я-то уж проследила бы, постаралась помочь человеку... Короче говоря, вызвала я «Скорую» и к нему спустилась. Они быстро приехали – ничего не могу плохого сказать, – женщина приложила руку к сердцу. – Уколы там сделали ему какие нужно и сказали, что в больницу принести. Ну, он согласился, и тут выяснилось, что в подъезде у нас лестницы узкие – носилки не проходят никак. Единственный способ вынести его на каком-нибудь одеяле, но это тяжелее. А в бригаде у них только женщина-врач да девушка-санитарка. Тащить-то деда некому! Пришлось мне бежать по соседям, будить, просить помочь вынести деда твоего из подъезда и до машины «Скорой помощи». Слава богу, нашлись добрые люди! Помогли, выручили... Только, видать, сердечко у деда твоего уже расшатанное было. Через два дня он в больнице умер... Тогда я нашла в его вещах твой телефон и позвонила сама. Думаю, негоже, чтобы никто из родственников даже не приехал...

– Вы все верно сделали, Валентина Михайловна, – вздох-

нул Федор, чувствуя себя виноватым из-за того, что не уделял деду должного внимания и мог даже не узнать о его болезни и смерти... – Проводите меня в его квартиру?

– Конечно-конечно.

Квартира оказалась приблизительно такой, какой ее и ожидал увидеть Федор – запущенной и темной. В комнате стоял отчетливый запах лекарств, вещи лежали в легком беспорядке, а пыль на предметах свидетельствовала о том, что несколько дней здесь никого не было. Внимание Федора тут же привлекли несколько предметов, которые явно выбивались из вполне советского интерьера квартиры: большой металлический крест на стене и красный угол, в котором имелось несколько икон. По виду старинных, а не новодел.

Федор с интересом подошел ближе. Ему хотелось рассмотреть иконы и увидеть, чем же они отличаются от обычных – православных. На его непросвещенный взгляд ничего необычного в них не было, кроме очевидной старости... И тут его взгляд задержался на ярком пятне слева на обоях – тут явно раньше что-то стояло. Судя по всему, еще одна икона. И покинула она это место совсем недавно...

– Валентина Михайловна, а вы не знаете, куда делась икона, которая раньше стояла на этом месте? – тут же обратился к соседке за разъяснениями Федор.

– О чем это ты? – удивилась женщина, но вид при этом у нее был какой-то неубедительный – в глаза собеседнику она старалась не смотреть и говорила с преувеличенным равно-

душием.

– Да вот тут явно что-то стояло.

– Ах, тут! Ну да, кажется, он ее кому-то подарил недавно...

– Подарил? – удивился Федор, но возражать не стал. В конце концов, он слишком плохо знал деда и тех, с кем тот мог общаться.

Тут Федору пришлось заняться похоронными делами и на весь день покинуть квартиру деда и разговорчивую соседку. За делами и заботами странное впечатление, оставленное последними словами Валентины Михайловны, сгладилось и забылось. Но когда вечером он возвращался в неуютную темную квартиру деда, у подъезда его поджидали.

На лавочке восседала смутно заметная в наползающих сумерках старушка в черном. Длинная юбка почти до земли и черный платочек на голове придавали ей какой-то особенно мрачный вид. Старушка так пристально смотрела на приближающегося Федора, что он решил, будто она какая-нибудь старая знакомая его деда. Это объясняло и траурное одеяние.

– Ты не Круглова ли внук? – неожиданно хриплым и низким голосом поинтересовалась старушка.

– Да, я Федор, – кивнул он, нерешительно останавливаясь. Общаться с траурной старушкой после утомительного дня его совершенно не тянуло, но она, кажется, именно его и поджидала.

– Ты, никак, похоронами занимаешься? Какой человек

был твой дед! Таких уж нынче нет! Да ты небось о нем ничего толком и не знаешь... А как похороны устраивать по правилам и тем более не ведаешь?

– По каким правилам? – растерялся от такого напора пожилой женщины Федор.

– По старообрядческим, разумеется. – Старушка поднялась с лавки и уперла руки в бока. Росту она оказалась, что называется, гренадерского. – Кто Макара отчитывать будет?

– Отчитывать? – переспросил Федор, чувствуя, что безнадежно утратил инициативу в разговоре.

– Так ты, милоч, вообще ничего не знаешь о том, что тебе надлежит сделать? – изумилась старушка. – Пойдем тогда. Это разговор долгий – пока все перечислишь...

– А вы кто, бабушка? – наконец вставил свое слово Федор.

– А я читальщица и есть. Звать меня Марией Ильиничной, – горделиво сообщила старушка и первая направилась в темный подъезд, будто хорошо знала, где находится квартира покойного деда.

– Вы были близко знакомы с моим дедом? – поспешил за ней Федор.

– Зачем близко? – удивилась Мария Ильинична. – Мы из одной общины, и теперь, когда он преставился, – тут она набожно перекрестилась двумя пальцами, – я первая на очереди его отчитывать.

– Это что, привилегия какая-то?

– Это обряд такой, – терпеливо, как маленькому, приня-

лась разъяснять Мария Ильинична. – Над покойным нужно обязательно читать псалтырь. Раньше три дня и три ночи читали без остановки несколько читалок. А сейчас так уже не делают. Осталось читалок мало, и читают они псалтырь только три раза...

В этот момент Федор и его спутница поднялись на третий этаж, где располагалась квартира покойного деда Макара. В наступившей на несколько секунд тишине он услышал нетвердые шаги у себя за спиной. По лестнице неуверенно взбирался какой-то пьяный мужик. Не поднимая глаз, он прошел мимо и, шаря рукой по стене, двинулся дальше.

Старушка неприязненно посмотрела ему вслед и не преминула пробормотать, что вот из-за таких и все беды России. Мужик то ли не расслышал, то ли не посчитал нужным ответить, но скандала не получилось, чему Федор был несказанно рад.

В квартире Мария Ильинична тут же прошествовала на кухню, уселась на табурет без всякого приглашения и продолжила посвящать Федора в тонкости подготовки похорон.

– У наших всегда все готово. Так что где-то тут должны быть саван, пояс, лестовка, рубашка, обувь... Поищи, это все обязательно пригодится. Еще нужен будет восьмиконечный крест на могилу и камень установить...

– Послушайте, – прервал ее Федор, вдруг осененный спасительной идеей, – раз вы читальщица, то, может, вы и займетесь всем этим? Я точно что-нибудь напутаю или забуду...

Я обязательно оплачу ваши хлопоты.

– Разумеется, оплатишь, – с достоинством кивнула Мария Ильинична и, как будто только этого и ждала, поднялась с табуретки и направилась в комнату. – Сейчас поищем, где Макар держал свои принадлежности на день смерти...

Вслед за этим Федор услышал странный звук, в котором не сразу распознал возглас изумления.

– Что случилось? – Он тут же поспешил в комнату.

– Что это? – Старушка указывала крючковатым пальцем на светлое пятно обоев, оставшееся после подаренной иконы, и на лице ее было написано не столько изумление, сколько ужас.

– Когда я сегодня пришел, все так и было, – поспешно ответил Федор, опасаясь, как бы у читальщицы не случился сердечный приступ прямо здесь. Ему и одних похорон было вполне достаточно. – Соседка мне сказала, что, наверное, он кому-то подарил икону, которая тут стояла...

– Подарил?! – взвизгнула старушка. – Да ты хоть знаешь, что это за икона?

И вот тут Федор впервые услышал все то, что через несколько дней пересказал московскому сыщику Гурову.

– Почему вы так легко поверили в слова незнакомой вам лично старухи? – нахмурился Гуров. – Она чем-то подтвердила свои слова?

– Она не похожа на человека, способного на сознательный обман, – пожал плечами Федор. – Мне кажется, даже если

она и не права, то сама искренне верит в то, что у деда была именно древняя чудотворная икона.

– И это вы считаете достаточным, чтобы обратиться за помощью ко мне? – изумился полковник.

– Не только это, – покачал головой Федор. – Когда она ушла, я немного покопался в бумагах деда – надеялся найти хоть что-нибудь, помогающее разобраться в ситуации. Может быть, письмо какое-нибудь... А нашел завещание. Вернее сказать, то, что должно было стать завещанием. Документ не был заверен нотариально, а значит, не имеет юридической силы. Полагаю, дед не думал, что умрет так быстро, и собирался заняться завещанием в будущем.

– Что же вы там обнаружили?

– Там был список ценных вещей, которые принадлежали моему деду: украшения его покойной жены, серебряные ложки, старинный псалтырь, крест и несколько икон, представляющих антикварную ценность. Так вот, одна из икон названа чудотворной и в скобочках дед приписал – *оригинал!*

– Это говорит только о том, что ваш дед тоже пребывал в заблуждении, которое, возможно, поддерживала и вся его старообрядческая община, – пожал плечами Гуров.

– Возможно, – не стал спорить Федор. – Но как вам вот такие сведения: помните, я говорил, что уже в начале двадцатого века, когда икона пропала, были различные версии того, что она не была сожжена? Так вот, одна из самых распространенных и устойчивых версий как раз утверждала, что

преступники продали ее за огромные деньги старообрядцам!

– Интересно, на чем основана такая теория? – задумчиво ответил Гуров. Вся эта история все больше напоминала ему рассказы о таинственных пиратских кладах, которые одержимые искатели ищут всю жизнь в местах, на которые указывают старинные легенды...

– Я не в курсе исторических подробностей, – пожал плечами Федор. – Но думаю, при желании можно будет все узнать.

– Хорошо, давайте определимся для начала, чего именно вы от меня хотите? – официальным тоном спросил Гуров.

– Ну, чтобы вы выяснили, куда делась старинная икона моего деда, и заодно, если это будет возможно, установили ее истинную ценность и подлинность.

– То есть вы хотите найти ее вне зависимости от ее истинной ценности?

– В любом случае старинная икона, которой несколько столетий, – это очень ценная вещь, так что да, я хочу ее вернуть.

– Ну что же, вам удалось меня заинтересовать этим делом, – скупой улыбнулся Гуров. – И готов выезжать на место.

– Замечательно! – ответил своей широкой и светлой улыбкой Федор. – Теперь вы во всем разберетесь!

Глава 2

Джура

XVI век, Стамбул

(Константинополь)

– Ну, где ты был на этот раз, Асим? У нас тут работы не выворот!

– Я уже здесь, приказывай. – Асим, парнишка лет четырнадцати, склонился в глубоком поклоне перед своим хозяином.

– Помнишь того паломника, который занял комнату наверху? Он, кажется, совсем плох. Иди проведай его, спроси, что нужно. И проверь, есть ли у него деньги... Не буду же я с ним возиться, если у него ничего нет!

– Слушаюсь, господин, – снова поклонился Асим и поспешил скрыться с глаз хозяина.

Вообще, хозяин был неплохим человеком, терпимым и не злым, но иногда чересчур мнительным и осторожным. Вот сейчас он просто побоялся сам идти к больному (мало ли что подхватил этот чужеземец, может быть, это заразно, а может, и смертельно).

За Асима он не боялся, так как тот принадлежал к другому народу. Сам Асим свою родину не помнил, его увезли

вместе с семьей еще совсем маленьким. Мать досталась в рабыни богатому человеку, потому ее сыновей оставили в живых. Старший брат Асима стал янычаром, а младшего, только он подросток, отдали в услужение, чтобы он сам себе обеспечивал существование. Мальчишка знал, что его настоящее имя, данное когда-то при рождении, звучало совсем по-другому, но рядом не было никого, кто бы мог его напомнить. Мать была заперта в доме своего хозяина, а может быть, уже и умерла. Брат последний раз был в городе пару лет назад, перед тем как армия султана ушла в поход на восток.

Огромный город Стамбул, столица Османской империи, самой сильной державы в мире, был полон людей самых разных национальностей и даже вер. Брат, когда еще был рядом, рассказывал Асиму, что когда-то давно, когда великий султан покорил этот город, тогда еще называвшийся Константинополем, он быстро понял, что оказался внутри его стен вместе со своим войском в меньшинстве.

Тогда султан стал переселять в город, переименованный в Стамбул, целые турецкие деревни и городишки. Потому некоторые кварталы в городе до сих пор носят названия этих поселений, жители которых были перевезены сюда. По той же причине он позволил евреям-изгнанникам селиться в Стамбуле – и они в ответ проявили к нему полную лояльность.

Говорили, что хозяин гостеприимного дома, в котором работал Асим, был потомком одного из этих евреев, изгнанных

из Испании. Его все звали на турецкий манер Дауд, хотя на самом деле его имя было Давид.

Асим поспешил во внутренний двор гостеприимного дома. Там по приставной лестнице он взобрался на второй уровень, где располагались комнаты попроще и лежал болезненный чужеземец.

Асим любил, когда приезжали чужеземцы из далеких, совсем неизвестных стран. Он всегда смотрел на них и гадал — не его ли это сородичи? Вглядывался в черты их лиц и сравнивал с братом и собой...

Парнишка легко открыл дверь комнаты и увидел того, о ком говорил Дауд. Больной лежал на соломенной подстилке в углу комнаты и выглядел весьма скверно. Он был весь мокрый от пота, бледный как пергамент, а характерная заостренность черт некогда, несомненно, округлого лица говорила о том, что болезнь зашла уже далеко. Больной хрипло и прерывисто дышал, пытаясь поймать как можно больше затхлого горячего воздуха комнаты.

Асим оставил дверь открытой, чтобы немного освежить воздух, и подошел к чужеземцу. Тот заметил мальчишку только тогда, когда тот принялся развязывать веревочки его темного монашеского одеяния. Больной начал что-то бормотать, явно протестуя, но Асим не слушал. Он понимал, что тяжелая одежда не облегчает состояние больного в лихорадке.

У монаха была бледная кожа северянина, загорела толь-

ко на руках и лице, светлые глаза неопределенного цвета и какие-то серые, неяркие волосы. На брата Асима он был не похож. Видимо, родом из какой-то совсем другой страны...

Асим видел лихорадку не раз и не два. Тут ее часто подхватывали чужеземцы с запада и с севера, как раз из тех мест, где он был рожден. Разоблачив монаха до длинной грязной рубахи, Асим сел рядом на пол.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил он по-турецки. Вопрос пришлось повторить несколько раз, прежде чем мутный взгляд чужеземца сфокусировался на говорящем. Кажется, он его понял.

– Пить, воды, – коротко и со странным акцентом попросил больной.

Асим легко поднялся и хотел было исполнить просьбу чужеземца (тем более что он успел нащупать в его специальном поясе несколько твердых кругляшков – золотых и серебряных монет – Дауд не будет против), но больной снова что-то тихо захрипел.

Теперь он говорил совсем непонятно, то ли просто от волнения, то ли не знал подходящих слов на турецком. Видя его отчаянные усилия, Асим вернулся к монаху и снова уселся рядом.

– Я немного понимаю итальянский, – сказал он на венецианском наречии, которое узнал благодаря постоянно живущим в их гостеприимном доме купцам из этой богатой республики.

Больной глубоко и прерывисто вздохнул, а потом заговорил на языке, который был похож на венецианское наречие, но Асим понимал далеко не все. Основное, что просил чужеземец, это священника православной веры. Видимо, считал, что не выживет, догадался Асим. Он не знал таких. Если в городе и были такие священники, то только в прибрежной части в районе Галата, куда прибывали почти все чужеземцы и где у них были дома для молитв (впрочем, никак не обозначенные символами их веры – крестами, так как это было запрещено).

Асиму найти такой дом и священника представлялось невозможным – он не знал ни одного христианина настолько хорошо, чтобы тот доверил ему такие сведения. Но он мог спросить у хозяина... Асим кивнул и вышел.

Игнатий безнадежно смотрел вслед удаляющемуся отроку. Он и не подумает никого искать – это было написано на его лице. Обострившиеся чувства говорили ему об этом так же ясно, как и то, что спасти его может только чудо. Болезнь подкосила его слишком внезапно и решительно. Вечером его мучил только легкий жар, но ночью стало совсем худо. Тело горело как в огне, а вместо сна приходили какие-то бессвязные видения.

Игнатий видел свой дом, занесенный сугробами, в которые он с наслаждением падал, но потом к нему приходил отец-настоятель и он вспоминал, зачем оказался так далеко

от дома, и возвращался в реальность, от которой становилось только хуже...

Он покинул свой монастырь, расположенный возле города Ростова, уже около двух лет тому назад. Тогда Игнатий был еще послушником и учеником богомаза. Путь его лежал в великий Царьград. Хотя город уже давно был захвачен турками, там еще можно было многому научиться, например, у учеников последних византийских иконописцев и у самих икон, оставшихся не тронутыми в домах христиан. Снабженный письмами и деньгами, Игнатий совершил долгое путешествие, которое привело его на Афонское подворье. Место это располагалось недалеко от пристани, и там останавливались все паломники из русских земель.

Здесь Игнатий провел около года, обучаясь иконописному мастерству, и, как и просил отец-настоятель, написал по образцу одной византийской иконы «одигитрии» свой вариант для ростовского монастыря. Только на середине работы он убедился, что выходит что-то стоящее, и к тому моменту уже поздно было менять доску, на которой он начал работать. А доска оказалась маловата для взятого размера фигур, и поэтому пришлось сделать изображение не поясным, как требовали каноны, а погрудным.

Все было так хорошо – удачное путешествие, интересное обучение, радующая самого автора работа... Он собрался в обратный путь, но на этот раз денег на морское путешествие в обход у него уже не было, потому Игнатий отправился пеш-

ком, как и положено настоящему паломнику. Однако ушел он недалеко...

Какая-то местная зараза проникла в его тело, поначалу он не обращал внимания и держался сколько мог. Возможно, именно это и привело к тому, что болезнь свалила его так сильно. Нужно было сразу найти лекаря...

А теперь дело было плохо... Нужно было что-то делать, как-то связаться со своими... Доска с написанным образом была у него в походной сумке, но никто не знает, где он. Если скромный монах Игнатий умрет в этом мусульманском придорожном доме для путников, никто не побеспокоится о сохранности иконы. А он обещал отцу-настоятелю привезти домой то, что займет пустующее место в алтаре... Его очень беспокоило, что о нем теперь будут думать как о беглеце, скрывшемся от своего долга. Ведь монастырь немало потратил на его обучение и поездку!

Голова соображала плохо, перед глазами все плыло и попытки встать не увенчались успехом. Нужно было что-то делать! Весьма возможно, что если жар не спадет, это его последние дни, а может, и часы. Нужно решить, что делать, пока не начался новый бред...

Сейчас должен вернуться мальчишка с водой. Нужно постараться ему объяснить... Пусть приведет кого угодно, только чтобы этот человек понимал по-русски. Нужен кто-то русский. Нет священника, так хоть торговца. Любой православный человек поможет в божьем деле!

Игнатий упал обратно на солому и на какое-то время провалился в приятное забытие.

– Ну, что там? – Хозяин остановил Асима, как только тот спустился во внутренний двор. – Что с ним?

– Жар, – коротко ответил мальчишка. – Монеты у него есть. А просил он воды и своего священника.

– Воды неси, а за священником я тебя не пущу. Этак ты уйдешь на весь день и, если звезды будут милостивы, вернешься завтра утром! У тебя и тут полно дел! К тому же в христианской части Галаты с тобой и разговаривать никто не будет. Это бесполезно.

– Что же мне ему сказать? – нахмурился Асим. – Он очень просил.

– Ничего не говори, – раздраженно ответил Дауд. – Ты хоть знаешь, из какого он народа?

– Он не сказал.

– Так узнай!

Асим повиновался и, прихватив глиняный кувшин с водой, забрался обратно на верхний уровень. Почувствовав воду на своих губах, чужеземец снова очнулся и принялся взволнованно что-то втолковывать мальчишке. Асим ничего не понимал и потому жестом остановил больного и спросил коротко:

– Какой ты земли?

– Русь, – выдохнул монах. – Это на северо-запад от вас.

– Русь, – повторил Асим диковинное название, которое впервые слышал. Может быть, Дауд знает кого-то из этой страны или кого-то, кто знает их язык...

«Найди Джуру», – сказал хозяин и выпроводил Асима за дверь.

– Легко сказать – «найди Джуру!» – бормотал себе под нос мальчишка, накрывая голову полотнищем.

Полуденная жара была в самом разгаре и бегать по улицам Стамбула сейчас было самым незавидным занятием. А Джура мог быть где угодно. Конечно, стоило спросить у старика, который вечно сидел на углу между площадью и мечетью Аль-Саим. Старика, наверное, как-то звали, но Асим ни разу не слышал, чтобы кто-то называл его по имени.

Стараясь идти по теневой стороне узкой и извилистой улицы, пустынной в полдень, мальчишка добрался до угла возле мечети.

– Будь здоров, старик. Ты не спишь?

Фигура, закутанная в давно потерявшую свой естественный цвет абу, зашевелилась. Что и говорить, это была самая подходящая одежда для одинокого старика – при желании аба из верблюжьей шерсти могла стать и постелью, и сумой.

– Чего тебе, мальчик? – пробурчал старик так и не показавшись из складок своей одежды.

– Ты не знаешь, где я могу найти Джуру?

– Джуру-вора? – переспросил старик.

– Джуру, который верно служил моему хозяину когда-то, – твердо ответил Асим.

– Ах, этого Джуру, – в скрипучем голосе старика послышался смешок. – Зачем он тебе?

Асим знал, что нужно было ответить. Старик говорил, только когда ему что-то рассказывали в ответ.

– У нас умирающий из далекой земли Русь. Он просит кого-нибудь, кто сможет понять его язык. Дауд сказал, что Джура знает, как на нем говорят. Это верно?

– Если он еще не забыл. – Старик показал свое морщинистое лицо из ветоши. – Когда-то давно он вырос в этой стране.

– Кто? Джура?! – изумился Асим. Он не поверил старику, который собирает и перепродает сплетни.

– Поищи его в старом подземном водохранилище. Говорят, он в последнее время там живет.

– В каком из них? Их же больше двадцати!

– Его видели возле старого храма. Одно из хранилищ как раз напротив.

Асим оставил ему монету, которую до этого получил от хозяина, и поспешил в сторону старого храма, как местные часто называли собор Святой Софии, переделанный в мечеть при прошлом султানে.

Соваться на водохранилище мальчишке совсем не хотелось. О них ходили мрачные легенды. Когда-то они были построены великими императорами Константинополя для то-

го, чтобы в городе всегда была вода, даже во время засухи или осады. То, которое собрался посетить Асим, было самым большим из них. Они были заброшены с приходом к власти султанов, и теперь там хозяйничали те, кому лучше было не показываться на глаза властям города: преступники и беглецы.

Главное, чтобы этот поход не оказался бессмысленным и Джура действительно был там. Хотя его еще нужно будет выманить... Говорили, что все эти водохранилища связаны какими-то ходами и тоннелями под старой частью древнего города.

Стамбул очень стар, и та его часть, которая греется под лучами солнца, всего лишь самая молодая верхушка огромного многослойного пирога. Где-то в глубине фундаменты старых зданий, тайные ходы императоров, застенки султанов...

Где находится спуск в подземную часть города, Асим знал от своих приятелей, облазивших все доступные места города. Но и они не совались туда, где хозяйничали преступники. Те не любили чужого внимания и могли тихо зарезать неугодного гостя, не посмотрев на его молодость.

Джура был не из таких. Он никогда бы не стал убивать, так, по крайней мере, утверждал хозяин. Для каких дел он нужен был Дауду, Асим не знал и, честно говоря, не очень-то хотел знать. То, что они оба остались довольны совместной «работой», было достаточной причиной для обращения к Джуре снова.

Асим закрыл за собой тяжелую дверцу из цельного куска дерева и очутился в полной темноте. Из глубины коридора, который уходил вниз, веяло холодом и сыростью. В контрасте с жаркой пыльной улицей это почти оглушало.

Мальчишка присел на корточки и достал из-под полы своего бешмета небольшой фонарь и огниво. Идти сюда без света было равносильно самоубийству, так что пришлось заглянуть обратно в гостеприимный дом Дауда за фонарем.

Спуск вниз был скользким и опасным. Слабый фонарь давал ровно столько света, чтобы различить неровности под ногами, но увидеть, что ждет впереди не позволял. Шаги отдавались гулким эхом где-то впереди. Там явно было большое пустое пространство, откуда доносились постоянные звуки капающей и струящейся воды. С каждым шагом становилось все более сыро и холодно.

Чарыки – короткие сапоги на толстой подошве – уже промокли, а Асим даже еще не вошел в хранилище. Наконец спуск кончился и стены тоннеля расступились. Мальчишка остановился перед необъятной и жуткой темнотой, полной капающих и плюхающих звуков.

Куда теперь? Хранилище, построенное во времена Римской империи, было сделано с размахом. Ходить в нем с таким слабым светильником в поисках человека можно долго. И если этот человек не пожелает быть найденным, то его и не найдут. Асим сделал несколько осторожных шагов и остановился на краю неглубокого бассейна, который уходил впе-

ред и в стороны насколько хватало глаз. Потолок, поддерживаемый внушительными колоннами, которых тоже было не счесть, терялся в вышине.

Асим кашлянул. Оставалось только одно. Он поднял лампу к своему лицу и на свой страх и риск позвал:

– Джура, ты здесь? Это Асим, слуга господина Дауда. Он послал меня за тобой с одной просьбой. Ты здесь?

Некоторое время ответом ему были все те же звуки струящейся воды. Она тут текла отовсюду: по стенам, по колоннам, капала с потолка и забиралась за шиворот. Как здесь вообще можно жить, было совершенно непонятно. Хотя, конечно, прохладно, но уж очень сыро.

Наконец где-то слева плюхнуло что-то большое и тяжелое. Асим дернулся, но заставил себя стоять на месте. Теперь он слышал, что кто-то не спеша идет по воде в его сторону. Настораживало лишь то, что этот кто-то по-прежнему молчал.

– Джура? – настороженно спросил мальчишка. – Это ты?

– Трусишь? – донесся из темноты насмешливый вопрос.

Асим, к великому облегчению, узнал голос, хоть и искаженный быстрым эхом.

– Тут жутко, – признался он. – Ты один?

– Теперь это мой дворец, – ответил его собеседник, силуэт которого уже виднелся между ближайшими колоннами. – Конкурентов я изгнал.

Джура выпрыгнул из низкого бассейна рядом с Асимом. Он не изменился с тех пор, как тот видел его в последний

раз: темные, почти черные глаза поблескивали из темноты, светлая, хоть и загорелая кожа, длинный нос, тонкие губы, волосы и борода неопределенного цвета, который отсвечивал медью на солнце.

– Чего хочет твой хозяин? – спросил он, и мальчик впервые стал замечать в его речи легкий акцент, который он не мог определить.

– У нас там умирает паломник-монах из страны Русь. Ему нужно с кем-то поговорить, а мы его почти не понимаем. Дауд сказал, что ты знаешь язык. Это правда?

– Мне заплатят? – проигнорировал ненужный вопрос Джура.

– У паломника есть деньги, – кивнул мальчишка.

– Пойдем, поможешь мне кое-что прихватить. – Джура потянул Асима за собой в бассейн, и они пошли по неглубокой воде куда-то в глубь водохранилища.

– Можно тебя спросить? – не унимался Асим.

– О чем?

– Это правда, что ты вырос в этой Руси? Ты оттуда?

Джура на мгновение остановился, но тут же продолжил двигаться.

– Я оттуда.

Мальчишка понимал, что больше ему ничего не скажут, но любопытство мучило его слишком сильно:

– Тебя привезли как меня, ребенком? Ты помнишь свое настоящее имя? Как думаешь, я могу быть оттуда же, откуда

и ты?

Джура рассмеялся и обернулся к Асиму. Да, он действительно мало походил на других собратьев по профессии – те почти никогда не смеялись.

– Неужели брат тебе не говорил, откуда вы родом? Он-то уж помнит наверняка...

– Скажи, если знаешь, – умоляюще попросил Асим.

– Я не знаю, – покачал головой Джура и возобновил движение в темноту. – Но могу сказать, что ты из тех стран, которые завоевал султан. А судя по твоей светлой коже, но темным волосам и глазам... может быть, ты румын или болгарин. Спроси брата. Но мы с тобой точно не из одних мест.

Асим надолго замолчал, пробуя на вкус эти сложные и странные названия, запоминая их. Он так погрузился в свои мысли, что чуть не подпрыгнул, когда что-то скользнуло по его ноге под водой.

– Ай! – вскрикнул он, от неожиданности отскакивая.

Эхо от его крика разнеслось под потолком.

– Тише! – шикнул Джура. – Это всего лишь рыбы. Они тут глупые, их легко ловить.

Место обитания Джуры оказалось, наверное, единственным сухим уголком этого подземелья. Тут он держал свои вещи, замотанные в промасленную бумагу и ткань. Это была ниша в стене возле двух странно коротких колонн, стоящих на подставках в виде гигантских женских голов. Асим сначала шархнулся от этих лиц, выплывших на него из темноты.

Одна голова была перевернута, а вторая валялась на боку. Их зеленые губы и пустые глазницы поблескивали от неровного света фонаря.

– К-к-к-кто это? – нервно спросил спутника мальчишка, не в силах оторвать от них взгляда.

– Это? Мои жены, – усмехнулся Джура, высвобождая из тряпок факел и передавая его Асиму. – Гречанки, судя по всему. Но вообще, я у них не спрашивал. Хочешь, спроси сам.

Асим не понимал, как можно шутить над чем-то столь жутким и грандиозным, и потому промолчал. Джура тем временем забрал свои чарыки, которые не собирался мочить в воде. Засунул за голенище кард – узкий кинжал с одной острой стороной и серебряным узором на рукояти, а за пояс чакрун. Асим видел это странное оружие у брата – металлическое кольцо с заостренным внешним краем, которое можно было очень эффективно метать. Говорят, его привезли из Индии.

– Зачем тебе столько всего?

– Никогда не знаешь, что может пригодиться, – подмигнул Джура и накрыл голову полотнищем.

Выяснилось, что Джура не собирается идти тем же путем, которым воспользовался Асим. Заявил, что у него есть «еще одно важное дело, не терпящее отлагательства», и они свернули в другой тоннель, уходящий куда-то в сторону от пло-

щади и храма Святой Софии. Мальчишке не оставалось ничего другого, как следовать за своим провожатым.

Путешествие по тоннелю было долгим, но со спутником было уже не так жутко. Джура явно хорошо знал, куда идет. Выбрались они в каких-то незнакомых ему закоулках: узкая кривая улочка, затененная нависающими балконами и зажатая между пыльными глинобитными стенами.

– Сиди здесь, – скомандовал Джура, указывая на затененный угол, в котором Асима было бы трудно заметить, а сам вышел на середину улочки и принялся кого-то ждать.

Мальчишка смотрел во все глаза, ожидая чего-нибудь интересного. Вскоре на улочке появился человек в пурпурном бешмете и чалме, свободный конец которой скрывал его лицо. Они о чем-то тихо говорили с Джурой, но Асиму было не слышно.

А затем его спутник вынул что-то из своей объемистой сумки и разложил прямо на пыльной земле перед человеком в чалме.

От любопытства Асим даже высунул нос из своей тени. На земле лежали два странных зеленоватых предмета. Мальчишка нахмурился, приглядываясь, и наконец понял, что это бронза, позеленевшая от влаги. Точнее, две бронзовые змеиные головы с кривыми и рваными срезами на «шеях». Эти головы казались ему страшно знакомыми...

Человек в чалме завернул бронзовые головы в кусок ткани и спрятал под просторную одежду, а с Джурой расплатил-

ся увесистым кошельком и тут же покинул узкую улочку. И только тут Асим вспомнил, где он видел эти головы! И чуть не вскрикнул.

Это были оставшиеся две головы с верхушки «змеиной колонны»! Кому и зачем они могли понадобиться? Асим вспомнил, как слышал болтовню о том, что головы пропали, но им не поверил. Слишком странным казалось такое похищение...

«Змеиная колонна» украшала центр Константинополя с незапамятных времен. Видимо, еще императоры привезли ее откуда-то из Греции и водрузили на любимом месте своих развлечений – ипподроме. Там она и стояла при всех правителях и режимах. Бронзовая колонна возвышалась больше чем на три человеческих роста, свиваясь из тел трех змей. Рассказывали, что она была отлита из щитов поверженных греками персидских воинов. Местные жители верили, что эта колонна – талисман, охраняющий их город от нашествия всяких гадов, ползучих и летающих насекомых.

Когда великий султан Селим завоевал Константинополь, то отрубил своей собственной сверкающей саблей голову одной из змей, дабы показать, кто теперь охраняет город и владеет тут всем. С тех пор колонну перестали считать талисманом, но она осталась на том же месте.

И вот теперь голов у змей больше не было... Асим решил обязательно сходить и посмотреть на то, как смотрится «змеиная колонна» без них.

– Кому они понадобились? – на всякий случай шепотом спросил он у Джуры, когда выбрался на свет.

– Я не спрашивал, – пожал плечами тот. – Мне предложили хорошие деньги за нехитрую работу. Думаю, это какой-нибудь богач с причудами. Хочет себе доказать, что ничем не хуже Селима...

Джура не слишком-то спешил в гостеприимный дом Дауда. Этот человек, с которым нужно было поговорить, вполне мог подождать. Разговоры с умирающими не входили в список обычных занятий Джуры, и потому он втайне надеялся, что этот несчастный умрет до того, как они к нему доберутся. Сегодня он уже получил неплохой куш, и та небольшая подачка, которой мог его снабдить Дауд, потеряла свою притягательность.

Однако отказывать постоянному заказчику было недальновидно, и потому Джура шел вслед за Асимом, правда, выбирал дорогу в обход. Якобы чтобы не встретить кого-нибудь из султанской гвардии.

К сожалению, больной оказался еще жив и в полном сознании. Джура вздохнул, взял у хозяина кувшин с водой, полотенце и полез на верхний уровень – беседовать с тем, кто стоит на пороге вечности, куда самому Джуре заглядывать лишний раз совершенно не хотелось.

– Кто ты? – Звук давно и основательно подзабытой речи заставил его поежиться. Здесь, в Стамбуле, было много сла-

вян, но это были румыны, болгары, поляки и даже венгры, но тех, кто бы говорил по-русски, он не встречал давно. Хитрые османские султаны, завоевывая новые земли, набирали из местных мальчиков рекрутов для войска янычар. Так и завоеванные провинции меньше бунтовали, и собственная военная мощь росла. Сам Джура никогда не был ни рекрутом, ни пленником. Он прибыл в Стамбул с табором.

– Мое имя... – Он запнулся, чувствуя, что слова родного языка, как волна, поднимаются из глубины памяти. – Здесь меня все зовут Джура. Им так удобней выговаривать. Но при крещении меня нарекли Юрием.

– Я Игнатий, простой монах и паломник, – прошептал больной.

Вид у него был не слишком многообещающий. Кровь отхлынула от лица, губы покрыты коркой, а глаза воспалены и явно не слишком четко видят. Джура промокнул ему губы влажным полотенцем и ничего не сказал. Он пришел слушать.

– Почему они не позвали священника?

– Не знаю, – пожал плечами Джура. – Но могу догадаться – это далеко и небезопасно, а ты можешь не дожидаться его прихода.

– Это... бессердечно, – яростно прошептал Игнатий. – Я умру без покаяния!..

– Ты считаешь, что эти формальности важны для бога, который судит тебя по делам твоим? – хмуро спросил Джура.

Он не хотел вступать в этот разговор, но молчать было еще хуже.

– Вижу, ты немногим лучше их. – Игнатий отвернулся и на какое-то время затих. Джура даже решил, что его отвергли и он может спокойно уходить, но тут больной резко приподнялся на руках в тщетной попытке встать и вдруг заплакал.

– Что с тобой?

Джура, сидевший на корточках рядом с ним, попытался уложить больного обратно на солому и не пролить при этом принесенную воду.

– Зачем ты позвал меня? – безжалостно спросил он. Смотреть на чужие страдания он никогда не любил, но тут помочь ничем не мог и хотел только одного – как можно быстрее уйти из этой душной комнаты и больше не видеть бледное лицо, покрытое испариной. – Если хочешь говорить – говори сейчас.

– Расскажи мне о себе. Как ты тут оказался?

Игнатий не вытирал слез, и они медленно катились по его восковому лицу, а голос стал хриплым и безмерно усталым.

– Зачем тебе это?

– Я должен знать, кому собираюсь довериться.

– Я родился в той стране, которую называют Русью, и моя мать из местных. Я рос у нее и воспитывался, как русский. Но мой отец, как говорили, был цыганом.

Игнатий кивнул, казалось, удовлетворенно:

– Теперь понятно, откуда у тебя такие глаза. Что было

дальше?

– Мать умерла, когда я еще не вошел в возраст мужчины, а остальная ее семья меня недолюбливала. Может, и было за что, но я этого терпеть не стал и сбежал в ближайший город. Там нашел табор и вместе с ним отправился по стране. В Стамбул я тоже попал вместе с ними. С тех пор тут и живу.

– Какой ты веры, Юрий?

Джура снова передернул плечами – старое имя жгло воспоминаниями, как кнутом.

– Я не менял ее. Цыганам моя вера была безразлична, а я в их обряды не слишком вникал. А здесь я живу сам по себе, никто мне не указ.

– Это хорошо, – прошептал Игнатий и прикрыл глаза. – Значит, тогда поклянись мне своей душой, что выполнишь мою последнюю просьбу. Я отдам тебе все свои деньги, только поклянись!

– Я не буду клясться, пока не услышу твоей просьбы. У меня нет перед тобой долгов, чтобы ты требовал такое.

– Я прокляну тебя!

– У тебя нет такой власти. – Джура чувствовал, что еще чуть-чуть, и он просто уйдет. Нетерпеливое волнение Игнатия казалось ему признаком начинающегося бреда.

– О боже! – Больной в бессилии стукнул слабым кулаком по полу. – Я дал обет. Обет отцу-настоятелю, что напишу лик Богородицы в Великом Константинополе и привезу его домой, в наш монастырь. Я написал его, он здесь, в моей дорож-

ной сумке. Но я не смогу выполнить обет. Я умираю... Помоги мне! Возьми мою ношу и доставь ее в мой монастырь. Это возле Ростова... Отец Сергей примет тебя и отблагодарит.

– Ты бредишь, монах, – вздохнул Джура. – Это дорога слишком дальняя и опасная для одного человека. Мне ее не одолеть.

– С Божьей помощью! – увещевал его Игнатий.

– Далеко ты с ней ушел, – невесело усмехнулся цыган-полукровка.

– Христом Богом тебя прошу! – совсем тихо пробормотал Игнатий, не глядя на собеседника. Силы покидали его, а вместе с ними уходила и решимость убедить Джуру. – Забирай мой пояс с деньгами, забирай икону. Забирай!

Монах из последних сил запихивал в руки по-прежнему сидящего на корточках Джуры позвякивавший редкими монетами пояс-кошелек и потертую сумку с чем-то твердым внутри.

– Хорошо, я возьму их, но клясться ни в чем не буду. Здесь часто бывают путники из разных мест, близких к Руси. Я передам с кем-нибудь твою икону, монах. Если Бог захочет, чтобы она добралась до места, она доберется.

– Тогда еще одно, – уже почти чуть слышно бормотал Игнатий. – Передай отцу Сергию, что я не предал его доверия, что я все сделал... ничего не потратил зря... что я умер с мыслью о Боге и о нем...

– Передавать слова проще всего – за это можешь не волноваться, – кивнул Джура и поднялся, чтобы позвать Асима.

Ему по-прежнему не терпелось уйти отсюда. Он чувствовал приближение смерти и не хотел наблюдать за ее работой. Вещи монаха он собирался продать кому-нибудь из перекупщиков. Монах умрет успокоенным, так что долг пред ним можно считать выполненным.

Глава 3

Находки

Наши дни, провинция

Город Петровск встретил полковника Гурова не слишком дружелюбно. Поезд приходил в город совсем рано, но уже после рассвета, и потому урбанистический пейзаж вокруг вокзала казался вымершим. Людей почти не было видно, машин тоже.

Поначалу Гурову даже показалось, что он не только в пространстве переместился, но и во времени, лет так на 10–15 назад.

Надежды совместить «семейное дело» с отдыхом таяли на глазах. Городок казался тихим болотом, в котором сделать что-то быстро будет вдвойне сложно. Однако не все было так безнадежно, как показалось Гурову сначала. По дороге от вокзала к дому покойного деда он наблюдал из окна такси, как городок просыпался и оживал на глазах.

Сам дом оказался в районе старой, еще советских времен, застройки. Вопреки ожиданиям, и дворики, и дома вокруг казались ухоженными и чистыми. Приятно удивленный полковник быстро сориентировался и, следуя указаниям Федора, нашел нужный подъезд.

Квартиру предоставили в полное его распоряжение, и он

вошел в нее по-хозяйски, однако по старой оперативной привычке не стал ничего трогать и перемещать с места на место.

Конечно, после того как дед покинул свое место обитания, здесь уже побывало множество людей: врачи «Скорой помощи», соседка Валентина Михайловна, Федор, читальница...

Но оставался шанс, что какая-нибудь нетронутая деталь поможет понять что-нибудь важное о последних днях жизни одинокого старика.

Коридор был пуст, а вот комната завалена вещами так, будто в ней давно не прибирались. Изучение такого беспорядка могло занять немало времени, поэтому для начала полковник переоделся. Все-таки были определенные плюсы в том, чтобы жить там же, где и работаешь, – все время находится в твоём распоряжении.

Самым перспективным местом для поиска неожиданных улик всегда является рабочий стол. С него-то и начал свое исследование Гуров.

Стол у деда оказался старый, помнивший еще, наверное, времена доисторического материализма. Согласно старой моде столешница была накрыта стеклом, под которым лежали различные фотографии, открытки, а кое-где и записки на память. Все это было довольно старое, пожелтевшее от времени, и потому полковник решил заняться им позднее.

В ящиках стола ничего интересного он также не обнаружил. Судя по всему, старик редко туда заглядывал, и там скапливались всякие мелкие предметы, которые он не знал

куда деть. На крышке стола было несколько книг религиозного содержания, которые Гуров перетряхнул, но ничего не нашел. Кроме них, имелась еще и записная книжка, старая и пожелтевшая. Но записи в ней могли быть и свежими, так что полковник принялся ее изучать с надеждой что-нибудь обнаружить.

Это «что-нибудь» появилось, как всегда, неожиданно: открыв очередную страничку, он чуть было не выронил оказавшуюся там вложенную бумажку, явно выдранную из какой-нибудь тетрадки. Она была свежая – не желтая – и на ней была надпись, сделанная нетвердым старческим почерком: «17 июня, Воронцова», и длинный номер телефона.

Гурову не нужно было смотреть на календарь, чтобы сказать, что 17 июня будет послезавтра. Это делало находку еще интереснее. Это либо запись «на память» о предстоящей встрече, которая теперь уже никогда не состоится, либо напоминание о том, что нужно позвонить этой самой Воронцовой.

Тянуть до 17-го числа теперь не имело никакого смысла, и Гуров потянулся за собственным телефоном. Нужно будет узнать, кто эта таинственная дама и зачем ей понадобился старичок с богатым антикварным наследством.

Ответили ему не сразу и не слишком довольным тоном:

– Кто это?

– Извините, вы меня не знаете. Я знакомый Макара Ивановича Круглова, Лев. У вас с ним, видимо, должна была со-

стояться встреча послезавтра?

– Почему должна была? – Голос на другом конце трубки добавил к раздражению еще и напряжение.

– Дело в том, что он скончался от сердечного приступа несколько дней назад.

– О боже! Это так... неожиданно!

– Такая смерть всегда неожиданна... Мы не могли бы с вами встретиться, обсудить, что вас связывало с Макаром Ивановичем? Это важно.

– А вы, собственно, кто такой? – Снова ощутимо взметнулась неприязнь.

– Я полковник полиции Лев Гуров. У Макара Ивановича пропали кое-какие вещи, и мне бы хотелось услышать все, что вы можете сказать о вашем знакомстве.

– Если это можно назвать знакомством, – фыркнули в трубке. – Мы виделись с ним всего пару раз. Оба раза он приходил ко мне на работу сам. Ему нужна была моя профессиональная помощь.

– А кто вы по профессии?

– Я реставратор. Специализируюсь на иконах, а их у Макара Ивановича было немало.

– Как интересно! Ваша профессиональная помощь может и мне пригодиться. Надеюсь, вы не откажетесь встретиться со мной и поговорить о вашей работе для Макара Ивановича?

– Откажешь вам, – усмехнулась, судя по голосу, Воронцова. – Куда мне подойти?

Гуров предложил выбрать ей самой, так как плохо ориентировался в городе, и запоздало поинтересовался:

– Простите, а как ваше имя-отчество?

– Маргарита. А отчество не нужно, оно старит.

Эта неожиданная ниточка с Маргаритой Воронцовой сулила немало интересного, но Гурову пришлось смирить свое любопытство и заняться тем, что находилось в непосредственной близости. То есть Валентиной Михайловной, заботливой соседкой покойного старичка. Нужно было выяснить, была ли ее заботливость совершенно бескорыстной или же нет.

Соседка встретила неожиданного гостя сурово. Валентина Михайловна оказалась плотной женщиной средних лет с неприятным, все время скользящим в сторону взглядом. Гуров каким-то образом сразу же почувствовал, что эта женщина охотнее станет с ним разговаривать, если он объяснит ей, что все его расследование неофициальное.

Поэтому он представился Валентине Михайловне совсем не так, как Воронцовой, сделав упор на том, что просто разбирается в ситуации по просьбе родственника, а о своей должности и звании даже не упомянул.

Это возымело определенный эффект, и суровая соседка стала чуть снисходительней, когда ей убедительно дали по-

нять, что она вызывает доверие и с ней хотят посоветоваться.

– Дело в том, – терпеливо объяснял полковник, – что в заведении Макара Ивановича упомянута эта икона, которую, как вы утверждаете, он кому-то подарил. Он вам об этом прямо говорил?

– Ну, нет, ничего такого он не говорил, – замялась Валентина Михайловна. – Не припомню...

– Тогда с чего вы решили, что он собирался ее подарить? – Да ничего я не решала! – нервно огрызнулась соседка. – Просто предположила и все! Что же мне было еще говорить? Сами подумайте – если не это, тогда, значит, кто-то из наших жильцов ее стянул? А я этих людей не первый год знаю и не могу в это поверить. Просто не могу, хоть режьте меня!

– Ну, что вы, Валентина Михайловна, сразу такие кровавые меры предлагаете, – улыбнулся Гуров. – Никто вас резать не собирается. Вашему мнению я вполне доверяю. Тогда, может быть, кто-то мог проскользнуть в квартиру не из ваших старых знакомых? Давайте подумаем.

Соседка Макара Ивановича насупилась и заерзала на своем мягком аккуратном табурете. Видно было, что то, куда поворачивает разговор, ей совсем не нравится.

– Кто мог? Не знаю я...

– Давайте вспомним все по порядку, – терпеливо гнул свою линию полковник. – Вот вы вызвали «Скорую помощь». После этого вы из квартиры не отлучались, пока она не приехала?

– Нет, я же говорила, что оставалась со стариком. Он совсем плох был, я не смела даже на минуточку отойти...

– Хорошо, тогда пойдем дальше, когда врачи приехали, вы, наверное, выходили из квартиры?

– Да, конечно, – оживилась Валентина Михайловна. – Я выходила уже после того, как врач сделала укол и Макару Ивановичу стало немного лучше. Нужно было найти трех мужчин, чтобы они помогли вынести его из подъезда. Так что я бегала по квартирам, звонила, упрашивала, чтобы хоть кто-нибудь вышел. Знаете же, как у нас...

– Да-да, не отвлекайтесь, пожалуйста.

– Так что меня минут 15–20 не было в квартире. Тогда там оставались врач и медсестра. А потом я уговорила одного из наших соседей, и он сам пошел в квартиру старика, пока я беседовала еще с двумя.

– А эти двое тоже сами пришли в квартиру Макара Ивановича?

– Нет, они вместе со мной подошли. И знаете, – соседка неожиданно встрепенулась и всплеснула руками, – когда мы пришли, врачей в квартире уже не было! Там был только Сергей, ну этот, кого я первым уговорила. Врачи в машину вернулись, а его с дедом оставили.

– Ага, то есть Сергей этот какое-то время находился в квартире наедине с дедом, который в тот момент был под действием лекарств?

– Именно так, – почему-то торжественно произнесла Ва-

лентина Михайловна.

– А вы мне не подскажете, как я могу с ним поговорить?

– Да когда дома, тогда и сможете. Только он по сменам работает. Не знаю где, но трудно сказать, когда он дома... Можно позвонить и выяснить. У него 78-я квартира. Человек не очень молодой, но не семейный. Так всегда ведет себя прилично, ничего плохого сказать не могу.

– Я ничего плохого пока и не жду от вас, – снова улыбнулся Гуров. Рвение Валентины Михайловны его начинало забавлять, судя по всему, она обрадовалась, когда вопросы полковника ушли от темы, которую она сама не хотела трогать. – Лучше расскажите, что было дальше, до того как вы закрыли квартиру.

– Они вынесли Макара Ивановича, – принялась перечислять соседка. – Я спустилась вместе с ними и, честно говоря, как сейчас припоминаю, не закрыла в тот момент за собой дверь. И не подумала, что это важно... Мне казалось, что нужно проводить старика, может, он бы чего попросил... А потом мы все вернулись. Они по своим квартирам разошлись, а я пошла к деду. Выключила везде свет, проверила все и закрыла дверь. Вот и все.

– А когда вы все проверяли, не заметили, была ли на месте икона?

– Честно говоря, нет. Я же не вещи проверяла, а газ, воду, свет, чтобы чего не приключилось, пока хозяина дома нет. Кто же знал, что он уже не вернется...

— Ну, спасибо вам, Валентина Михайловна, — искренне поблагодарил полковник. — Вы мне очень помогли. Теперь постараюсь навестить вашего Сергея из 78-й квартиры. Может, и он чем поможет.

Гуров легко поднялся и направился к двери. Выходя из квартиры, он заметил примостившегося в темном углу субъекта весьма характерной наружности. Такие деградирующие личности есть почти в каждом многоквартирном доме, а то и не в одном экземпляре.

Повинуясь невнятному инстинкту, Гуров замедлил шаги и успел заметить краем глаза, что субъект направился прямо к еще не закрывшейся двери Валентины Михайловны. К его удивлению, та не захлопнула дверь, а принялась сдавленным шепотом что-то втолковывать алкоголику, опасно озираясь на лестничный пролет, по которому поднимался полковник. Это было интересно, и он не собирался упускать из вида это неожиданное обстоятельство, хотя оно, возможно, и не имеет никакого отношения к его нынешнему делу.

78-я квартира оказалась на верхнем, пятом этаже. Гурову повезло — ее хозяин был дома и незамедлительно открыл внушительную железную дверь. Полковник начал с уже привычных объяснений: кто он и что ему нужно. На этот раз, глядя на устало щурившегося на него немолодого мужчину с сигаретой в зубах, Гуров предпочел не хитрить и просто

изложил все, что уже знал об этом деле.

– Что вам от меня нужно? – отступая в глубь квартиры, поинтересовался Сергей хриплым и таким же усталым, как его взгляд, голосом.

– Мне нужно понять, что произошло и куда делась такая ценная вещь, как старинная икона. А вы, возможно, сможете мне в этом помочь. Вы не заметили, когда пришли в комнату Макара Ивановича, она все еще там находилась?

– Я даже не знаю, о какой именно иконе вы говорите. У него их там полно! Штук шесть, не меньше. Я на них даже не смотрел.

– То есть вы в иконах не разбираетесь? – поинтересовался Гуров, просто, чтобы потянуть время и осмотреться в квартире, в которую вошел вслед за хозяином.

– Конечно, нет! – фыркнул Сергей и выпустил кольцо дыма прямо под потолок.

Ясно было, что так может поступить только закоренелый холостяк. Беглого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять: в этой квартире женская рука ничего не касается. И уже довольно давно. Никаких признаков особой религиозности тоже заметно не было. С другой стороны, хозяин явно не был бедным человеком, сводившим концы с концами. Хорошая техника и новая мебель говорили о том, что Сергей неплохо зарабатывает себе на жизнь.

– А когда вы вошли в квартиру Макара Ивановича, там еще кто-нибудь был, кроме самого хозяина?

– Да, там были врач «Скорой помощи» и медсестра, – тут же кивнул Сергей. – Мы с ними немного поговорили о том, как перенести больного в машину, и после они ушли. Почти сразу вслед за этим пришли остальные, и мы вместе принялись искать прочное и легкое одеяло, чтобы вынести старика. Если вы подозреваете, что я мог забрать эту вашу особо ценную икону, то сами подумайте – куда бы я мог ее спрятать за это время? Из квартиры я не мог выйти: внизу на лестнице были врачи, наверху Валентина Михайловна уговаривала соседей. А в квартиру деда я уже не возвращался. Сразу после того как «Скорая» уехала, я вернулся к себе. Это вам все могут подтвердить.

– Вы неплохо разобрали ситуацию по косточкам, – уважительно посмотрел на своего собеседника полковник. – У вас неплохие аналитические способности.

– Это необходимо мне для работы, – равнодушно пожал плечами хозяин квартиры. – Я работаю аналитиком, между прочим.

– Тогда вы нашли верное применение своим способностям. Скажите, раз уж вы здесь живете, то с вашим талантом можете мне помочь лучше других: как вы думаете, кто-то из жильцов мог забрать эту икону, или мои поиски напрасны?

Сергей посмотрел на Гурова с усмешкой:

– Хотите убедить меня в том, что мои слова для вас что-то значат? Это избитый прием, и я в него ни на минуту не верю. Но если вам нужно мое мнение, то я его выскажу: никто

здесь не интересовался тем старым барахлом, что хранилось у Кругловых дома. Относились к ним скорее настороженно, когда была еще жива его жена, из-за их принадлежности к старообрядцам. Но чтобы кто-то стащил у них вещи – этого я себе представить не могу. Не того плана тут люди.

– А какого они тут плана?

– Смеетесь? – покачал головой Сергей. – Чтобы украсть, нужно либо всю жизнь этим заниматься, или прибывать в крайних обстоятельствах. Точно можно сказать, что закоренелых преступников здесь нет. По поводу каких-нибудь серьезных денежных затруднений я, конечно, точно сказать не могу, но сомневаюсь, чтобы у здешних жильцов что-то сильно изменилось за последние полгода...

– Значит, вы уверены, что мне здесь делать нечего?

– Здесь – да, – спокойно кивнул Сергей и затушил сигарету в набитой окурками пепельнице в форме звериной пасти.

– Тогда, возможно, у вас есть предположение, где мне стоит поискать? – с любопытством поинтересовался Гуров. Беседа с этим «подозреваемым» его забавляла.

– Я бы на вашем месте обратил внимание на врачей прежде всего, – пожал плечами тот. – Им это было несложно, и возможность у них была, и никакие личные связи с дедом не останавливали. А скорее всего, он сам что-нибудь с ней сделал.

– Это интересно, – оживился Гуров. – Вы уже не первый, кто делает такое предположение. Что же он, по-вашему, сде-

лал?

– Думаю, мог отдать кому-то из своих единоверцев. Или продал, а может быть, даже подарил какому-нибудь храму. В этом возрасте старики становятся сентиментальны...

– Значит, подарил кому-нибудь?

– Не исключено. А что, есть какие-то улики?

– К сожалению, никаких, – покачал головой полковник. – Но думаю, они все же появятся.

– Что ж, удачи вам в поисках, – пожелал на прощание Сергей и проводил неожиданного гостя до двери.

Слова Сергея, несмотря на их кажущуюся разумность, тем не менее вызвали у Гурова сильные сомнения. Предполагать, что врач или медсестра за пару минут безошибочно определили, что в квартире является самым ценным, мгновенно смогли сговориться друг с другом и незаметно спрятать вещь, казалось слишком смелым.

Уметь разбираться в произведениях искусства могут далеко не все, и еще менее вероятно, что рядовые работники «Скорой помощи» так хорошо в этом подкованы.

Так что по итогам этих бесед полковник склонялся к мысли, что самым вероятным временем для похищения был момент, когда квартира пустовала. В тот момент, когда все спустились вниз к машине «Скорой помощи», а квартира осталась незапертой, в нее мог проникнуть любой другой житель подъезда, разбуженный ночной возней на лестничной клет-

ке.

Только одно и беспокоило Гурова в этой стройной версии – похититель должен был заранее знать, что и где именно нужно брать. Времени на то, чтобы осмотреться и изучить обстановку, у него определенно не было. Кто мог быть этот таинственный знаток антиквариата, полковник ума не мог приложить. Полученные от Валентины Михайловны краткие характеристики жильцов никак не вязались с таким утонченным обликом знатока древностей. Оставалось только предполагать, что скрытный старичок сам разболтал кому-то о хранящейся у него неординарной ценности.

Погрузившись в построение предположений и теорий, Гуров чуть было не пропустил время, на которое была назначена встреча с Воронцовой. Пришлось собираться впопыхах и нестись быстрым шагом, переходящим на рысь, к небольшому кафе, выбранному реставраторшей для разговора.

К облегчению полковника, он все же не опоздал – в кафе было пусто, и он поспешил занять самый уютный столик у окна.

Его таинственная дама определенно не спешила, и он успел выпить чашку кофе до того, как стеклянная дверь этого провинциального заведения снова открылась.

В зал осторожно заглянула невысокая женщина в узких очках без оправы и, увидев Гурова, неожиданно решительно направилась в его сторону. У нее были темные коротко стриженные волосы, а на лице не заметно никаких явных следов

косметики.

Полковник привстал и попытался предложить даме стул, но она проигнорировала его действия и уселась сама.

– Здравствуйте, Маргарита. Очень приятно познакомиться, – постарался улыбкой сгладить неловкость Гуров.

– Здравствуйте, Лев, – кивнула она несколько сдержанно. – К сожалению, не могу сказать, что обстоятельства нашего знакомства дают мне повод радоваться, но давайте перейдем к делу. Зачем я вам понадобилась?

– Мне нужно точно знать, какую работу вы выполняли для Макара Ивановича.

– Что ж, это нетрудно: я делала анализ древесины и лака, которые он мне предоставил. Ему нужно было знать как можно более точно время создания какой-то иконы из своей коллекции. Анализ я провела и результаты ему сообщила. В дальнейшем он собирался передать мне для исследования и саму эту икону. Это должно было состояться завтра. Но теперь, как я понимаю, эта работа мне уже не светит.

– Правильно понимаете, но, как вы выразились, «не светит» она вам совсем не по тем причинам, которые вы себе вообразили. Дело в том, что у наследника есть все основания предполагать, что эту самую икону украли.

– Что?! – всплеснула руками Маргарита Воронцова и на секунду стала похожа на самую обыкновенную испуганную женщину. – Это же огромная ценность!

– Какая именно? – деловито поинтересовался Гуров.

– Такое не измеряют деньгами, – покачала головой Маргарита. – Предмет, сохранившийся с XVI века, ценен сам по себе, даже если бы это был ночной горшок. А тут мы говорим о произведении искусства, и даже более того – предмете культа. Тут просто деньгами измерять невозможно.

– Хорошо, тогда расскажите мне о том, что узнали от Макара Ивановича. В подробностях о ваших встречах и анализах, которые сделали. Я должен знать все возможные детали, чтобы попытаться найти эту икону.

– Ах, вот чем вы заняты! – понимающе закивала реставраторша. – Я-то, честно говоря, подумала, что что-то нечисто со смертью Макара Ивановича... Теперь понятно, зачем я вам... Хорошо, что рассказывать?

– Все по порядку: как он вас нашел, что просил, о чем рассказывал.

– Найти меня ему было несложно – если человеку в нашем городе нужен специалист по реставрации икон, то, кроме меня, и обратиться-то не к кому. У меня специальное образование, и об этом знают на моем месте работы.

– А где вы работаете?

– В небольшом местном музее краеведения. Там мои услуги требуются довольно часто. Там он меня и нашел. Первый раз мы разговаривали прямо в музее. Он пришел с кусочком древесины, завернутым в полотенце. На куске этом были остатки лака. Макар Иванович просил узнать время и по возможности происхождение того и другого. Сказал, что у

него есть икона, которую его покойная жена считала за большую древность, но сам он в этом не уверен. И чтобы не беспокоиться понапрасну, решил провести анализ. Он был готов платить, и я, конечно, согласилась.

– Что же показал анализ?

– Он, по сути, подтвердил слова покойной жены Макара Ивановича. И древесина, и, по крайней мере, часть лакового слоя принадлежат XVI–XVII векам. Точнее на нашем оборудовании сказать сложновато. Мне и так пришлось обращаться за помощью к другу из судебной экспертизы...

– И об этом вы сообщили самому Макару Ивановичу?

– Разумеется. – Маргарита непонимающе моргнула и поправила очки типичным жестом всех очкариков – проводя указательным пальцем по носу.

– Какова же была его реакция?

– Он очень оживился, – нахмурилась она, вспоминая. – Судя по всему, он действительно не ожидал, что это окажется правдой. Тогда же мы и договорились о следующей встрече. Макар Иванович собирался показать мне эту икону, и я должна была дать полное профессиональное заключение о ее возрасте и ценности. Он даже рассказал мне что-то вроде семейной легенды, согласно которой эта икона и есть подлинная Казанская Божия Матерь. После того как ее древность подтвердилась, он, кажется, полностью в это уверовал.

– Я совершенно не разбираюсь в предмете, так что, возможно, мой вопрос покажется вам глупым, но все же ответь-

те: вы считаете, что это совершенно невозможно?

Маргарита посмотрела на Гурова с легким удивлением:

– Ну, как бы вам объяснить... Существует устойчивая легенда о том, что подлинник иконы где-то сохранился. Эта версия появилась еще в начале прошлого века и продолжает существовать. Все дело в том, что официально царская полиция признала икону уничтоженной, но полного согласия в свидетельских показаниях по этому поводу не было. Это давало и продолжает давать повод для появления разных альтернативных версий. Вынуждена признать, что чисто теоретически все возможно.

– Это очень интересно, – задумчиво пробормотал Гуров. – У меня возникла к вам еще одна просьба. Дело в том, что у Макара Ивановича в доме осталось еще несколько икон. Поскольку я ничего не могу сказать о их древности и художественной ценности, мне нужно мнение специалиста. Я бы хотел, чтобы вы зашли к нему домой, когда у вас будет свободное время, и сказали свое мнение.

– А откуда вы знаете, какая именно из его икон пропала?

– В том-то и дело, что я не могу это точно знать. Потому и прошу вас мне помочь.

Маргарита понимающе улыбнулась:

– Вы, кажется, понимаете, что мне будет крайне сложно вам отказать, хотя бы из чистого любопытства. Я приду и, надеюсь, это действительно поможет делу.

Насыщенный день не дал полковнику ни минуты отдыха, как он и предполагал. Просьба родственника оказалась самой настоящей работой, хоть и неофициальной. Когда стемнело, усталый Гуров вернулся в квартиру Макара Ивановича. Тут было непривычно тихо и одиноко. У старика даже телевизора не было. Он как-то обходился обыкновенным проводным радио и, судя по всему, не скучал.

Тут как раз ему решила позвонить жена. Судя по всему, она чувствовала свою вину за испорченный отпуск мужа и хотела своим повышенным вниманием сгладить неприятное ощущение.

Она с несколько преувеличенной веселостью рассказала какой-то забавный случай, произошедший на репетиции в театре, и осторожно поинтересовалась его успехами. Гуров решил, что имеет полное право побыть обиженным, тем более это сулило повышенное внимание жены. Поэтому на ее шутки он реагировал сдержанно и сообщил, что дело обещает быть долгим и скучным. В конце концов, должна же жена расплатиться за эту внеочередную работу!

Скрипучий пропыленный диван жалобно застонал под весом нового жильца квартиры, и тот недовольно поерзал на нем, устраиваясь. Диван еще и стоял как-то криво. Один его угол довольно заметно удалялся от стены и это раздражало.

Гуров взялся за угол дивана и попытался придвинуть его обратно к стене. Однако это оказалось не так-то просто. Что-то под диваном мешало, цепляясь за перекладины его старо-

го нутра и издавая неприятный скрежет. Полковник заглянул под диван, но, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Там было темно.

Быстрый поиск фонарика ни к чему не привел. Единственное, что удалось обнаружить в хозяйстве Макара Ивановича, – был немаленький арсенал свечей и подсвечников. Засветив одну из свечек, Гуров снова сунулся под диван.

Кроме толстого слоя пыли и кружевной паутины, там обнаружился старый чемодан с обитыми металлом углами, которые и производили этот скрежет.

Чтобы облегчить передвижение дивана, полковник вытащил чемодан на свет божий и уставился на аккуратный замочек. Это его заинтересовало.

Вскрыть игрушечный замок старого чемодана было делом несложным, и он справился с ним за считанные минуты. Содержимое, так тщательно охраняемое его бывшим владельцем, Гурова разочаровало. Внутри оказались стопки старых выцветших фотографий, выполненных на картоне. С них на полковника смотрели давно умершие люди в странных костюмах и со странными прическами. Больше всего его удивила тотальная серьезность фотографируемых. Они смотрели в объектив с напряженным вниманием и тревогой, будто совершали какое-то важное действие. Сейчас так никто уже не фотографируется...

Гуров и сам не заметил, как погрузился в созерцание этих лиц, перебирая стопки старых фотоснимков. И вскоре на-

ткнулся на нечто необычное. На самом дне лежали две перевязанные ленточкой толстые тетради. На их обложках ничего не было написано.

Полковник извлек их из глубины чемодана и раскрыл первую тетрадь. Она была полна записей, сделанных вычурным старомодным почерком. Чернила выцвели до светло-коричневого, а листы пожелтели до густо-желтого. Тем не менее написанное можно было без особого труда разобрать. А вот вторую тетрадь открыть не получилось. Судя по всему, она попала в воду или какую-то другую жидкость и так и высохла. Ссохшиеся листки грозили рассыпаться в руках, если он пытался отделить один от другого.

Гуров отложил эту вторую тетрадку и заглянул в первую. Он ни на что особенно не рассчитывал, но, к его изумлению, чтение оказалось весьма занимательное.

Глава 4

Следствие

Казань, 1904 год, текст первой тетради

Все случившееся сегодня побуждает меня начать записывать свои впечатления и мысли. Не знаю, что из этого выйдет и сколь долго продлится мое новое увлечение, но я твердо решил начать эту тетрадь.

Говоря по чести, я уверен, что добрая половина бед нашей губернии из-за того, что у нас нет уголовного отделения полиции, как в столичных городах. Здесь просто нет таких специалистов, как там. Хотя, конечно, люди с природным талантом и склонностями встречаются. Не Путилины, но тоже не лыком шиты.

Но не буду отвлекаться от того, что побудило меня взяться за перо. Четыре дня назад у нас, в уездном городе Казани, произошло неслыханное преступление. Сказал бы мне кто-нибудь еще несколько дней назад, что такое возможно, я бы и не поверил по наивности своей.

А совершилось у нас такое, что 29 июня в самый глухой час ночи лихие люди похитили из летнего храма при Богородицком женском монастыре две иконы. Одну чудотворную

Казанской Божией Матери и икону Спасителя. Обе святыни были в драгоценных ризах, оцененных соответственно: до 70 тысяч рублей и до 30 тысяч рублей. Кроме того, из двух свечных ящиков, через взлом их, было похищено около 600 рублей.

Шум поднялся на всю империю! Начальство, как водится, ругалось на чем свет стоит и требовало срочно найти супостатов. Однако от ругани толку было немного, и начальник мой, полицмейстер Петр Панфилов, принялся за дело и никого не слушал, что было мудро.

Хотя в этом деле от обычного подхода проку было мало. При розыске все, что мы смогли найти, так это два кусочка шелковой ленты да около десятка жемчужин. Оказалось все это на соседнем с монастырем частном дворе некоего Попрядухина, который дома у себя спал как пень и ничего, разумеется, не слышал.

Жемчужины эти и ленты были предъявлены священнику и монахиням, и те их признали как части облачения икон. Так что мы теперь знали, каким путем воры уходили из монастыря. Но в отличие от Мальчика-с-пальчика дальнейшие наши воры жемчужин не разбрасывали, так что найти их не выходило.

Тогда наш полицмейстер зашел с другого боку – стал допрашивать свидетелей, а точнее свидетеля – ночного монастырского сторожа Федора Захарова.

Дед этот оказался дряхлым да тщедушным, и по виду

его можно было заподозрить, что выпить он не дурак на своих ночных дежурствах. Так что полного доверия у меня к его словам нет. Однако частично его показания подтвердила послушница Богородицкого монастыря – Татьяна Кривошеева. Она в означенную ночь вышла по нужде во двор часа в три и услышала слабые крики со стороны колокольни. Девица сама идти туда побоялась, так как расслышала: «Караул, жулики!» – но побежала к настоятельнице, и уж тогда монахини гурьбой поспешили в подвал под папертью собора, где и обнаружили источник криков.

Кричал как раз Федор Захаров. Как только монахини его освободили, он тут же сказал им: «Глядите скорее двери у церкви! Несчастье у нас большое – воры меня сюда посадили!»

Тут уж бросились монашки к собору, а там и правда – западные ворота взломаны, а иконы похищены.

Захаров потом нам с полицмейстером рассказывал, будто, делая обход монастыря около часа ночи, он услышал какие-то царапанья возле двери на западной паперти собора. Не успел он толком подумать, что бы это могло быть, как двери те распахнулись, а за ними оказались четверо мужиков. У одного был револьвер, а еще у одного – нож. Они деда немного постращали и запихнули в подвал, чтобы не шумел. А сами сделали свое черное дело и были таковы.

Вот и все, что мы знали до вчерашнего дня, как ни старались разузнать побольше.

Городское начальство из-за этого знатно бесилось и даже грозилось нас всех во главе с Панфиловым уволить с должностей. Да только тут кричи не кричи – мало что меняется. Работали все наши не на страх, а на совесть: все вокруг монастыря обшарили, всех поспрашивали, но без толку. Полицмейстер уж решил было, что на том и конец. Судя по мрачному виду его – ходил и обдумывал, когда удобнее рапорт об отставке подать: сейчас али еще потрепыхаться.

А простые сотрудники, все, чтобы не приставали журналисты разных изданий, нахлынувшие в город, предпочитали заниматься чем-нибудь, главное, чтобы подальше от нашего казенного учреждения.

Остался там чуть ли не я один, как помощник и правая рука Панфилова. У меня не было повода скрыться. И это, как ни странно, сыграло мне на руку.

Вот представь себе такую картину, дорогой читатель: сиюю я за столом, листаю газету, в которой по десятому разу перечитываю досуужие сплетни о том, кто и зачем похитил национальную святыню. И от этого мирного занятия меня отрывает некий господин, постукивая своей длинной тростью по краю моего рабочего стола.

Господин этот имеет вид самый что ни на есть солидный: дорогого сукна костюм, пенсне, идеально подстриженную бородку ну и, наконец, дорожную витую трость.

– Будьте любезны, молодой человек, – говорит он мне самым светским тоном. – Мне необходимо сделать важное

заявление. С кем и где я могу поговорить конфиденциально?

Я украдкой бросаю взгляд на дверь кабинета, за которой скрылся Панфилов, и мгновенно решаю, что беспокоить его сейчас будет неучтиво. У нас уже много народу побывало с момента начала этого громкого дела, и многие утверждали, что им есть что сказать. На деле же оказывалось, что все их сведения были либо не достоверны, либо и вовсе ничем не помогали следствию. То, что нынешний господин выглядел солиднее прежних, меня не слишком обнадежило. А представив, как будет недоволен Панфилов, отвлеки я его по пустякам, то и вовсе утратил сомнения.

— Можете поговорить со мной, любезный. Присаживайтесь. Я помощник полицмейстера Панфилова, Виктор Семенович Успенский. С кем имею честь?

Мой собеседник с некоторой опаской опустил на предложенный выдавший виды стул и, опершись о свою внушительную трость, представился:

— Владимир Афанасьевич Вольман, смотритель Александровского ремесленного училища, к вашим услугам.

— Очень рад. Так что же вы хотели заявить, Владимир Афанасьевич?

— Дело в том, что я только сейчас, то есть буквально сегодня утром, связал два совершенно очевидных факта и потому пришел к вам только сейчас, хотя преступление, я имею в виду похищение иконы, произошло уже 4 дня тому назад.

Тут набожный смотритель истово перекрестился.

— Что же вам показалось стоящим нашего внимания? — терпеливо поинтересовался я.

— Около недели назад, то есть почти за две недели до преступления, к нам в училище пришел Николай Максимов. Это постоянный клиент — золотых дел мастер. Именно поэтому я даже сначала и не подумал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.